

Оглавление

Глава 1	
Море	7
Глава 2	
Семьдесят ступенек	18
Глава 3	
Кладбище	28
Глава 4	
Любовь	38
Глава 5	
Негативная энергия	53
Глава 6	
Рыночные отношения	62
Глава 7	
Заколдованная невеста	72
Глава 8	
Яблоко	84
Глава 9	
Девочка ниоткуда	92
Глава 10	
Молочай	103

Глава 11	
Не стыдно	114
Глава 12	
Рецептурный препарат	123
Глава 13	
Не было	132
Глава 14	
Кажется, я уеду	142
Глава 15	
Шестьдесят четыре	149
Глава 16	
Выпускной	159
Послесловие	171

Глава 1

Море

Что билеты забыли дома, обнаружили за пятнадцать минут до отправления поезда. Мать протянула проводнице документы — свой и Анин паспорта, отец полез в карман за удостоверением железнодорожника, по которому семье Тарасовых полагался бесплатный проезд раз в году в любую точку нашей необъятной. И вот тут случилось страшное: удостоверение отсутствовало, как и отцовские мозги, потому что, по мнению мамы, только безмозглый мог забыть эти несчастные корочки дома.

— Вы понимаете, — налегала мама на проводницу, — я отпуска этого год ждала! Убиваюсь в стационаре, дышу парами всякими, химикатами, отравляюсь каждый божий день, чтобы хоть раз в год воздухом человеческим подышать. Ну и пожалуйста! И подышала! Нет, это другим можно и туда, и сюда, и за границу.

А мне на роду написано гнить в этой дыре за литр молока. Вот такая компенсация за вредность. Вот такая у нас страна.

Удивительно, но Аня совсем не переживала, что поездка на море, которого она не видела еще ни разу, может оборваться вот так бесславно, прямо на горячем перроне. Люди подошвами растирали этот перрон, чиркали по нему колесиками чемоданов, и тот горел изнутри, как гриппозный больной. Замечали этот жар другие? Аня замечала. Она боялась, что отец, побежавший ловить втридорога привокзальное такси, не успеет и тогда мамина горечь хлынет уже в полную мощь и затопит не только этот вокзал, но и всю их жизнь целиком. Если море требует таких жертв, то Ане оно не нужно. Аня никогда на море и не просилась, это мама решила, что перед выпускным классом нужно набраться сил и отдохнуть.

На море йод, и витамин Д, и, видимо, что-то еще, пока неизвестное науке, что заставляет людей остервенело рваться к нему, даже если купаться в нем запрещено. В Анапе, куда мама с Аней должны были ехать, если бы не папины мозги, как раз было запрещено. Последние новости сообщали, что после шторма там какие-то зловонные нечистоты и нефтяное пятно, но, несмотря на это, поезд был битком. Толстые окна вагона отсвечивали в вечернем солнце так, что ничего внутри видно не было, а было видно только собственное пыльное отражение. И все

равно Аня чувствовала, как ее обглаживают за- таившиеся по ту сторону взгляды пассажиров. Ей вспомнилось, как биологичка скучно читала по учебнику: «Хищные весьма разнообразны по внешнему облику. Среди представителей отряда — такие непохожие друг на друга животные, как стройный сурикат и грузный морж». Тогда Аня не знала, что это описание подходит и туристам тоже. Особенно тем, которые направляются в Краснодарский край.

— Просьба провожающим покинуть вагон! — загромыхало где-то рядом, и Аня выпрямилась. Нет, не сама, что-то насильно выпрямило ее изнутри. Выросло в ней огромное, распирающее, похожее на подъемный кран. Давит горло, продирается сорняком наружу.

«Отравление» Аня услышала как «отравление». И действительно, это было отравление. Отравление той реальностью, в которой они плывут с вокзала домой, а несет их вселенская мамина скорбь, черная, как неслучившаяся южная ночь. Ужас кувырчался в груди, выстреливал вверх, пробивал трахею и падал обратно, куда-то в кишки. Только бы отец успел, только бы усмирил маму.

Аня тронула подушечкой большого пальца свой указательный, потом средний, потом безымянный, наконец, мизинец. Пробежалась еще раз. Потом еще. В голове защелкало: «Один, два, три, четыре. Четыре, три, два, один». Если повторять так без остановки, отец придет вовремя,

поезд их дождется, а мама не выйдет из берегов. Главное — не сбиваться. Вот она, власть над временем, — у Ани на кончиках пальцев. Она это время превращает в катышек и замедляет, заговаривает, отвоевывает. Если бы не эти внутричерепные «один, два, три, четыре», все бы давно пошло прахом. Но Аня не сдаётся, Аня знает, как удержать пулю в миллиметре от мишени. Проще некуда: «Четыре, три, два, один».

И отец успевает, и мама не переливается через край, и никто не тонет в черных сгустках ее печали. Этот вечер спасен. Аня оседает без сил в душном плацкарте, забывая осмотреться. Она надевает на себя сон, как ватник, руку в правый рукав, руку в левый. И больше сегодня ни о чем не беспокоится.

— Крышу на вокзале видели? Вот это все муж своими руками, он у меня жестянщик. Льготы? Есть льготы, но их еще достучаться надо. Вот вы как думаете мы билеты на поезд взяли? Это же целая история.

В ушах заложило маминым голосом, уже давно бодрствующим. Аня вслушалась, стараясь распознать мамино настроение.

— Нам же хорошая жизнь не полагается, ее уже до нас разобрали, как икру на Новый год, нам пустые полки остались. Нет, Ниночка, вы только вдумайтесь, мне, чтобы этот билет урвать, пришлось делать вид, что я на очном учусь, что работы у меня нет и все в этом духе. Иначе никаких льгот, только иждивенцам. Там

за шоколадку ректору, тут по старой дружбе. Ну как-то оформили, слава богу.

Настроение у мамы было хорошее, и Аня уступила утру — открыла глаза. Утро резануло солнечным светом, но потом смазало — просочилось медом под веки. Глаза притерпелись к новому-светлому, и Аня огляделась. С верхней полки открывался чудесный вид на мамину плацкартную собеседницу — тучную седую женщину с варикозом. Женщина агакала и пыталась вкатить в беседу свои пять рублей, но мама была неумолима:

— Такая малость — билет этот, но ведь приятно, согласитесь. По-человечески как-то. Вот где человеческого отношения не дождешься, так это у нас в лаборатории. Я с химикатами работаю, а это все равно что курить по пачке в день. И за все эти страдания стакан молока. Ну не сволочи?

Варикозная женщина активно соглашалась, что они сволочи. Мама продолжала. С верхней боковушки свисало хмельное мужское тело, тянулось обнаженным животом к жене на нижней полке, жаждало супружеского единения. Жена единения не хотела, а хотела «хоть раз нормально съездить в отпуск». По коридору-шлангу с воплями: «Я хочу на море!» — носился мальчик, розовощекое последствие любви мужского — верхнего и женского — нижнего тел. Женщина-нормальный-отпуск ловила мальчика, когда тот пробежал мимо, и требовала: «Хватит уже!».

отчего мальчик бегал еще усерднее. Проводница толкала перед собой тряпку, намотанную на швабру, муча вагон утренними гигиеническими процедурами. За шваброй тянулся мокрый след, от которого чище никому не становилось. Такой сладковато-грязный, влажный след, по которому уже мчался мальчик-хочу-на-море.

— Поднимаем обувь! — командовала проводница.

— Не ходи по помьтому! — кричала женщина-нижняя-полка.

— Сволочи! — накручивала мама.

— И не говорите! — сокрушалась соседка.

Аня думала, каким же колоссальным должно оказаться море, чтобы оправдать эту плацкартную шизофрению.

Приехали ночью, а ночь на юге такая, что сколько ни дышишь — все мало. И тепло, и прозрачно, и пахнет цветами, и цветы эти на запах — оранжевые. Аня вдохнула, но не просто воздух, а самое настоящее ощущение. Только чего? Свободы ли? Счастья ли? Неизвестно. Но захотелось задержать в себе это недиагностируемое подольше. Пристроить где-то в легких, в отдельный кармашек, увезти с собой. Не выйдет. У каждого места своя формула кислорода. Там, дома, тяжелые металлы. Тут, на море, летучие эфиры. И одно с другим не сходится. Аня, вся металлическая, скоро окислится в этом чудесном и ароматном, в этом соленом. Поэтому они

только на неделю сюда, на короткий срок. Иначе начнутся необратимые изменения и домой уже будет невозможно.

Пансионат «Магадан» встретил уснувшей за стойкой женщиной. Непоправимо загорелой, так что смотреть было жарко, как на кипящий котелок.

— Будешь так загорать, заболеешь раком, — предупредила шепотом мама.

Женщина очнулась, поморгала:

— Тарасовы? У вас экономят на первом. Сто третий. Вот ключ. Направо, первая дверь. Завтрак с восьми до десяти, без опозданий.

— Скажите, а завтрак нормальный? — поинтересовалась мама.

— Да как везде, — пожала плечами потенциальная жертва рака. — Чай, кофе с молоком... яйца... йогурт...

— Молоко — это хорошо, убивает токсины.

— А вы откуда знаете?

— Я в медицине двадцать лет работаю, нам это молоко несчастное за вредность дают. Литр в сутки. Представляете? В лаборатории сплошная химия, такая отравка. Неизвестно, что с моими легкими теперь. Может быть, уже нет никакого смысла в этих ваших курортах. Может быть, мне недолго осталось.

— Что вы такое говорите, ну? — пробудилась женщина. — У нас такой воздух обалденный, ну! Трехразовое питание, ну! Сауна, до пляжа двадцать минут. Как не поможет, ну?

— Будем надеяться, — уступила мама. — Только зря вы так загораете, ведь можно и рак схлопотать.

— А вы откуда знаете? — снова удивилась женщина.

— Это все медицина проклятая, двадцать лет как. Доброй ночи!

Едва переступив порог номера, мама кинулась менять белье на привезенное из дома, так же как ранее делала в поезде.

— Неизвестно, как они тут стирают. Может, просто полощут. А если у человека грибок? Такую сразу полосканием не выведешь. Стой, ничего не трогай.

Покончив с бельем, мама побежала протирать спиртом дверные ручки, прикроватные тумбочки, раковину и сидущку унитаза. Морской воздух становился этиловым. Когда только зашли в номер — пахло звездами, абрикосами и мышами-полевками, теперь все снова пропиталось бездушной стерильностью.

Аня лежала в кровати, смотрела в потолок. Унесенное в кармашке ощущение замечательного больше не воспроизводилось. Свобода и счастье остались замурованы в тот первый южный вдох, болтались где-то во временной петле. Аня вдруг отчетливо поняла, что из дома уехать невозможно. Можно сесть в поезд, отмотать сотни километров, но уехать нельзя.

— Спишь? — спросила мама в темноту.

— Нет, — ответила Аня.

— Ты про наши домашние дела никому не говори, поняла?

— Поняла.

— Клянешься?

— Клянусь.

Сколько раз мама заходила издалека, сколько раз требовала одно и то же? Уже не сосчитать. Спрашивала утром, спрашивала днем, переспрашивала вечером. Никому? Аня обещала: никому. И свое обещание держала.

Утром, сразу после завтрака, отправились на пляж. Шли по щиколотку в воде: улица Трудящихся была подтоплена. Ночью не заметили — проскочили на такси, мама чересчур боялась всего ночного, ослепленного темнотой. Ей в этой темноте постоянно мерещилось плохое, она и домой поэтому всегда возвращалась до сумерек, а зимой, когда сумерки неизбежны, ходила только под фонарями, как будто их желтый чахоточный свет был способен на героические поступки, а не только отхаркивать мерцанием в черноту. Но сейчас было светло, и мама была спокойна.

Они шли мимо братской могилы и дома молитвы, мимо детского садика «Светлячок» и столовой «Еда-вода». Шли под солнцем, похожим на прожектор. Шли вместе с другими такими же, приехавшими с севера на двухдневном поезде. Шли гуськом друг за другом под рокот электрогенераторов, под гул водооткачивающей техники, шли торжественно и величественно, как

шел когда-то Моисей, и перед ним расступались воды.

— Вы откуда? — спросила женщина в парео с изображением другой женщины, молодой и стройной, позирующей под пальмами около красного кабриолета.

И, несмотря на то что обладательница парео с кабриолетом была с избытком довольна жизнью, Ане вдруг стало грустно оттого, что эта женщина носит на себе что-то несбыточное.

— Киров, а вы? — с удовольствием подхватила мама.

— Иркутск! — с гордостью призналась собеседница. — Вы не переживайте, это только тут так воняет, на море совсем другое дело. Водичка кристально чистая, полный штиль!

— Это радует, конечно, но все же вы не боитесь кишечной палочки?

— Я?! — воскликнула женщина из Иркутска. — Я ничего не боюсь, это пусть меня боятся! Она же всего лишь палочка, так? А я — человек! За кем, по-вашему, преимущество? — И расхохоталась.

— Это бытовая тупость, купаться мы ни в коем случае не станем, — шепнула Ане мама, когда иркутская подруга отвлеклась на сувениры. Затем на сувениры отвлеклась и мама, а Аня подумала, что, если бы приехала сюда одна, не стала бы тратить время на завтраки, магнетики и людей, а стояла бы на смытом берегу и смотрела море, как кино.

Море, в котором Аня так ни разу и не искупалась из-за кишечной инфекции, пролетело как миг. Оно не было голубым, как обещали на картинках. Картинки ввали. И не было черным, как следовало из названия. Чаще всего оно было с похмелья. Море волновалось, старалось само себя выпить, а получалось только перекачываться из стороны в сторону. И такая жажда терзала море: ведь оно было соленое, а от соленого страшно сушит во рту. Вот оно и бушевало, вот и шумело: просило глотка чего-нибудь пресного. Аня пару раз вылила в его бездну остатки «Сенежской». Но этого было так мало, так мало... Так мало времени оставалось до школы, где ей придется врать. Мама просила, а она, Аня, клялась.

Семьдесят ступенек

После Анапы завязался август, на который у Ани не было никаких планов. Это означало, что в любую секунду в Аниной жизни могло нечаянно образоваться свободное время. Такого она всеми силами старалась не допускать. Боролась со свободным временем Аня книгами. Школьную программу она читала быстро и заранее, чтобы поскорее перейти к истине захватывающим вещам типа Иэна Макьюэна, Майкла Каннингема и Чака Паланика. Последнего папа тайком печатал Ане на рабочем принтере и приносил в день по главе. Это пиратство так шло прозе Чака Паланика, что Аня в конце концов придумала себе, что печатают они его на работе не ради экономии семейного бюджета, а потому что эта книга действительно запрещена и достать ее можно только нелегально. Читать что-то запрещенное оказалось

в миллион раз увлекательнее, и какое-то время Аня буквально благоговела перед «Бойцовским клубом». Мама тем временем считала, что Чак Паланик — психопат и его надо запретить не только в Анином воображении, но и на самом деле. Как назло, маме на глаза попадались именно те страницы, где автор изощренно издевался над героями.

— Медсестра мне на работе каждый день на сына жалуется, что он играет в компьютерные войнушки и постоянно там кого-то убивает. А я всегда про себя думала, слава богу, моя Аня не такая. А моя Аня про извращенцев каких-то читает. Ты вообще кем собираешься вырасти? — возмущалась мама.

Аня молчала. Она так глобально о себе не думала. Аня вообще о себе думала мало, а вот о других — много. Патологически много. Слово «патологический» Аня вычитала как раз в книге-про-извращенцев-по-мнению-мамы. Находить незнакомые слова было еще одним Аниным любимым занятием. У нее была специальная тетрадка на пружинах, куда она выписывала из словаря Ожегова определения таких слов, как «гуттаперчевый», «одиозный» и «конформизм». Если на горизонте маячило свободное время, всегда можно было взять тетрадку и начать заучивать слова. Это часто уберегало Аню от основной проблемы — мыслей.

Конечно, у всех людей были мысли. Мысли об ужине, о собаке, о предстоящих выходных.

Но Анины мысли другие — «плохие», навязчивые. Это даже не мысли, а настоящие пророчества. Например, что мама вот-вот умрет от заражения крови (достаточно поцарапаться ржавым гвоздем, Аня вычитала об этом в другой книге, не про извращенцев), или пропадет без вести (на фонарных столбах постоянно клеят объявления о пропавших людях), или на нее нападут в темном переулке (от этого вообще никто не застрахован). С папой в мыслях Ани тоже могло случиться что угодно: вот он летит на самолете в командировку и разбивается в жуткое и неопознаваемое (в новостях по Первому каналу такое бывает). Старенький Анин дедушка на самолете уже никуда не летал, но ходил в зубную, а там ему могли занести инфекцию (как соседке снизу, у нее тогда все лицо раздулось). О незнакомых людях на улице или в магазине Аня тоже иногда такое думала. Не специально. Просто если Анина голова не была занята чтением или заучиванием слов, в нее моментально просачивались вот такие мысли.

Носить в себе бесконечные смерти и катастрофы было мало кому под силу. Тем более на эту роль не годилась Аня. Худая и какая-то прозрачная, из тех девочек, которые с юга приезжают еще бледнее, чем были до. Из-за этой бледности Аню часто спрашивали, не болеет ли она, потому что вид у нее был именно такой — болезненный. Аня, конечно, понимала, что под болезнями посторонние люди подразумевали

что-то классическое: простуда, грипп, ангина, на худой конец. В этом смысле Аня не то чтобы сильно выбивалась из статистики. Болела осенью, когда слякоть, болела зимой, но зимой все болели, и в школе год от года объявляли карантин, весной тоже приходилось болеть, потому что опять наступала слякоть. Но, помимо этих очевидных фаз, Аня непрерывно болела еще своими мыслями. Об этом она никому не говорила. Как и о своей способности отменять дурные пророчества.

Отменять пророчества было и просто, и сложно одновременно. Просто потому, что пророчества были хоть и жуткие, но все же гуманные. Они не только сообщали Ане, что мама умрет, но и предлагали это как-то предотвратить. Например, сосчитать все окна в здании напротив, или намотать чудодейственный круг вокруг дома, или семь раз включить-выключить свет, или три магических раза помыть руки. Отвоевать маму у смерти мытьем рук — разве может быть что-то проще? Действительно, ничего, если рядом есть раковина. Но раковины рядом могло не быть, тогда приходилось отпрашиваться с урока в туалет и бежать по коридору сломя голову. Повезет, если в туалете никого, потому что мыть руки нужно было три раза подряд и Аня прекрасно представляла, как странно это может выглядеть со стороны. Вот она вбегает в туалет, открывает кран, мылит руки, трет их, смывает пену, выключает воду, а потом снова

включает воду, снова мылит руки, снова трет их, снова смывает пену, снова выключает воду, а затем опять включает воду, мылит и так чистые руки, трет их, хотя они уже красные, смывает пену, выключает воду.

Раньше в Анином классе учился один чокнутый мальчик. Он плохо пах, тряс головой и кричал со своей последней парты, что вокруг все дебилы, а он нет, потому что он — Саша, а не то, как его обзывают, и что ему вообще-то все равно на это, потому что скоро запустят адронный коллайдер и все сдохнут. Читать он так и не научился, но его коллективной жалостью дотянули до девятого класса, а потом он исчез. Аня боялась исчезнуть так же, поэтому на многолюдных переменах мыла руки сначала на первом этаже, потом на втором, потом на третьем. Из-за этого она пропускала столовую и ходила весь день голодной, зато не выглядела чокнутой.

Друзей Аня не заводила по этой же причине. Дружба — дело откровенное, а к откровенности Аня была не расположена. Все, что она могла рассказать о себе настоящего, не вписывалось ни в какие рамки нормальности. Даже если бы эти рамки специально для нее очень сильно растянули, то и тогда бы она в них не пролезла со всей чертовщиной, которая творилась у нее в голове и дома. Но никто рамки растягивать не собирался: одноклассники давно сдружились в пары, тройки или компании, настолько давно, что думалось о них только так: Настя-Вика,

Женя-Игорь-Витя, Лера-Ира. Если условная Вика болела, то условная Настя болталась по школе неприкаянная. Конечно, в столовой она могла спокойно подсесть к Лере-Ире, но Лерой-Ирой-Настей они при этом не становились. Аня тоже могла так подсесть к кому-то на лабораторной по химии, но всегда при этом оставалась только Аней. Это было правильно. Очень правильно. И только немного грустно.

Вообще, идея с подсчетами пришла к Ане так давно, что сама себя она уже не помнила без этих заклинающих окон, кругов и рук. Зато помнила, как в дремучем детстве мама порывалась уйти из дома. Мама так и говорила: «Я ухожу и больше не вернусь! Живите как хотите! С меня хватит!» Аня не понимала, как она должна хотеть жить и чего такого хватит с мамы. Аня хотела жить обычно, как они жили вчера и позавчера. Она хотела жить вместе, а без мамы не хотела. Без папы тоже не хотела, но папа, правда, и сам никуда не уходил. Он пытался успокоить Анин рев, объяснял, что мама сказала это «в сердцах». Аня не знала, «в сердцах» — это плохо или хорошо, поэтому продолжала реветь на случай, если все же плохо. В окна было видно темноту, которую мама так не любила. Маме наверняка страшно ходить там одной. Ане точно было бы страшно. А еще Ане было бы холодно, потому что декабрь. Если мама упадет в сугроб и не сможет встать, то замерзнет навсегда. Мама может так упасть. Когда они гуляли у диорамы

и мама в шутку упала в сугроб, папе пришлось вытягивать ее за руку. А как папа протянет ей руку в этот раз, если он тут, дома? Они с папой найдут ее утром заледеневшую или вообще не найдут. Аня хрипела пересохшими слезами. Хрипела, а потом начала считать. Она умела только до пяти, но этого оказалось достаточно. Аня считала как заведенная. Эти цифры обещали вернуть ей маму из черного и холодного за окном. Цифры не обманули. Мама пришла тем же вечером, добрая, теплая и живая. Мама поила Аню ромашковым чаем. Мама качала Аню на руках. Мама обещала больше никогда не уходить. «В сердцах» — это хорошо», — подумала Аня и уснула.

За три августовских дня Аня выучила тридцать шесть странных слов, прочитала две книги, четыре раза вымыла полы дома, сосчитала все ступеньки в подъезде (их оказалось семьдесят), пересчитала окна дома напротив (шестьдесят жилых, двадцать четыре подъездных), выяснила, сколько букв в первом правиле бойцовского клуба (двадцать семь), не разрешила себе съесть шоколадный батончик шестьдесят семь раз, на шестьдесят восьмой раз разрешила, но потом так истошно переживала за родителей, что возненавидела и себя, и батончик. На четвертый день этих пыток Аня приняла волевое решение устроиться на работу. На любую работу, которую доверяют подросткам. Оказалось, что

подросткам вообще мало что доверяют. Даже на раздачу листовок их брали скрепя сердце, как будто перед глазами работодателя сразу проносилась безрадостная картина, как горе-работник выкидывает все листовки в мусорку за углом и откровенно бездельничает весь день, чтобы с нагло-честным лицом вечером заявиться за расчетом. При этом очередь на раздачу листовок оказалась расписана на месяц вперед. Пришлось, как обычно в провинциальных городах, извиваться через знакомых. Знакомые были у мамы на все случаи жизни, и сама мама, разумеется, тоже для кого-то была такой знакомой, поэтому частенько делала анализы мимо кассы. Киров держался на взаимных одолжениях, весь перевязанный кровнородственными связями. По артериям маминой университетской дружбы Аня доплыла до тети Наташи, которая работала в центре занятости. Там Ане нашли работу дворником.

— Поздно ты, Анечка, обратилась. Получше бы что-то подыскали, а то же совсем ничего, только так. Остальное еще хуже, — сердечно расстраивалась тетя Наташа.

Аня не стала вдаваться в подробности, что за вакансии были замаскированы под грифом «еще хуже», и согласилась на дворника. Район ей достался для дворника подходящий — привокзальный. Сама она жила на несколько улиц выше, и ее дом привокзальным уже не считался, а считался очень даже престижным, но ночью Аня все

равно слышала поезда. Видимо, город был слишком маленьким, чтобы где-то в нем можно было совсем забыть о поездах.

Аня убирала каждый день одни и те же дворы, примыкавшие к домам на Комсомольской улице. Желтые, как зубной налет, пятиэтажки первыми встречали приезжих. Со стороны улицы в них были вживлены гастроном, закусочная, автосервис, сувенирный с дымковской игрушкой, аптека, почта и даже дом фото, куда Аня носила проявлять пленку с мыльницы. Со стороны двора были разгрузочно-погрузочные зоны всего того, что было снаружи. Тут стояли огромные коричневые контейнеры для серьезного мусора, но жильцы кидали в них и несерьезный, потому что идти до них было ближе, чем до обычных мусорных баков. Женщина, проводившая инструктаж, сказала Ане гонять мусорных нарушителей «к чертовой матери», но Аня так не смогла и просто с тоской наблюдала за людским приспособленчеством.

Начинала Аня в восемь утра, когда все уже разбежались по работам, а «газели» с товаром еще не приехали. Это было самое благодатное время: тишина и покой. Даже местный бездомный, спавший у крайнего подъезда, не раздражал, а создавал уют, на какой способны только домашние коты. Аня подметала мусор и думала о том, что к концу августа запомнит лица всех жильцов, кто-то обязательно начнет с ней здороваться, она выучит всех водителей «газелей»

и всех заведующих, которые выходят принимать товар, она даже будет помнить точное время, когда это происходит. Она наверняка узнает, каким местный бомж был великим художником и каким оказался ненужным человеком. Она запомнит бабулю на третьем, которая кормит на подоконнике голубей. Запомнит подростка на втором, который тайком курит в форточку. Будет знать всех продавщиц и всех проводниц. А потом встретит эти лица в парке, в автобусе, в кулинарии. Встретит обязательно, потому что их город — спичечный коробок, и, даже если ты живешь не у вокзала, ты все равно слышишь эти поезда.

В двенадцать Анин рабочий день заканчивался. К этому времени во дворе было битком машин, бомж-и-наверное-художник склонялся к алкоголизму водителя «газели», который привозил лекарства в аптеку. Каждые полчаса двор засасывал в себя приехавших. Каждые полчаса — выплевывал уезжающих. Аня волочила по пыльному асфальту метлу и думала: можно ли на самом деле вырваться из этого спичечного коробка? И сколько в таком случае понадобится вагонов, чтобы влезть в поезд со всеми своими причудами?

Кладбище

В последнем учебном году Аня заняла парту у окна, несмотря на то что окна школы выходили на кладбище. Суд обязал губернатора установить между церковью и школой забор до начала учебного года, но вот учебный год начался, а забор как-то не состоялся. Аня ничего против кладбища не имела. Приятное место: молчаливое, упорядоченное, вневременное. Школа с ее раздутой суетой нравилась ей гораздо меньше. Впрочем, обещанный забор все равно не дотянул бы до третьего этажа школы, с которого открывался такой чудесно-откровенный вид на расчерченный по линейке могильный муравейник, похожий на опрокинутую многоэтажку, где вместо окон — зевы захоронений. Наблюдать похороны через школьное окно мало чем отличалось от просмотра телевизора без звука. Люди с рыбьими ртами издавали особенную тишину, вызывающую слуховые

галлюцинации. Приходилось напрягаться, чтобы вернуть улетевший слух обратно в класс.

— Вы можете не верить в Бога, но как объяснить тот факт, что плащаница с изображением Христа трижды горела и ни разу не пострадала?! Я, как учительница физики, должна разложить вам это явление с точки зрения науки. Но, дорогие мои дети, этому нет объяснения! Ни в вашем учебнике, ни в моем сознании, потому что Бог создал этот мир по Своим законам!

Алла Евгеньевна блестела в учеников полными лихорадочного восторга глазами. С начала сентября она взяла за правило один из уроков физики посвящать очень авторским проповедям. Статус классного руководителя позволял ей эту вольность. Аня вместе с одноклассниками делала вид, что ничего особенного не происходит: никому не нужны были проблемы с аттестацией в выпускном классе. Но между тем что-то особенное все же происходило. Спустя много лет, когда вся эта школьная бесовщина изгладится в Аниной памяти, она случайно узнает, что Аллу Евгеньевну отстранили от преподавания тем же летом и она, как и сама Аня после выпускного, в школу больше не вернулась — шизофрения.

Но в тот последний год Алла Евгеньевна была на подъеме сил. Она излучала, как атомная электростанция, бешеные волны энергии. Прежде чем закатиться за горизонт, Алла Евгеньевна интуитивно старалась прорасти своей

болезненной верой в подрастающем поколении. Что поделать, человек так устроен, что не очень-то любит умирать окончательно. Отсюда все эти бесконечные плевки во вселенную в виде детей и произведений искусства.

— Алла Евгеньевна, а как умирал Бог? — высунулся новенький, залетевший вдруг в одиннадцатый класс, Вадим Неустроев. — Вот я слышал, что Его на кресте распяли, но сильно не вдавался, а зря — тема очень интересная.

— Вадик, — обрадовалась учительница, — приходи после уроков, я тебе все-все расскажу.

— Мне все не нужно, мне бы только про смерть. А что вы думаете о стадиях умирания по Кюблер-Росс? — уцепился Неустроев, но его перебил звонок.

На «стадиях умирания» Аня посмотрела на Вадика и, кажется, первый раз увидела его по-настоящему. До этого Неустроев был каким-то обтекаемым предметом, молча сидевшим с ней за одной партой. И знала Аня про него совсем бесполезное. Что приехал Вадим из придаточного Кирово-Чепецка в холеный Киров — город без всяких там лишних уничижительных приставок. Приехал восходить и процветать под опекой тут же прижившегося отца-разведенки. Про мать, оставшуюся в области, Вадим не распространялся совсем, про отца односложно: водитель. Аня к соседу с расспросами не приставала: кому вообще в подростковом возрасте хочется говорить про семью? В семнадцать про